

НЕУЖЕЛИ ТЫ ЗДЕСЬ? СТРАДАНИЯ И БЕССТРАСТНОСТЬ БОГА

Аннотация. Страдания, с которыми люди сталкиваются постоянно, а в этом году особенно остро, заставляют задуматься над многими богословскими вопросами: почему Бог, если Он любовь, не останавливает страдания? Необходимы ли страдания для развития всех существ или они возникли только из-за грехопадения? Возможно ли для человека бесстрадательное состояние и в чем смысл страданий? Может ли Бог страдать и страдает ли Он вместе с народом Божьим или Он бесстрастно наблюдает за происходящим с небесного Трона? Нужны ли страдания самому Богу? Возможно ли реальное присутствие и со-страдание Христа здесь и сейчас в любой точки пространственно-временного континуума или Он после вознесения находится одесную Отца? В предлагаемой статье автор пытается обозначить траекторию ответов на подобные вопросы.

Ключевые слова: *страдания, испытание, совершенство, Божественная бесстрастность, страдания Христа.*

Title: *Are you really here? The Suffering and Divine Impassibility*

Abstract. The suffering that people face all the time, and this year in particular, leads us to ponder many theological questions: Why doesn't God, if He is love, stop suffering? Is suffering necessary for the to achieve excellence of all beings or did it appeared only because of sin? Is it possible for people to live without suffering and what is the meaning of suffering? Can God suffer and does He suffer with God's people or does He impassively watching the events from His throne in heaven? Is suffering necessary for God Himself? Is the real presence and co-passion of Christ here and now possible at any point in the space-time continuum, or is He at the right hand of the Father after His ascension? In this article the author attempts to outline the trajectory of answers to such questions.

Keywords: *suffering, testing, perfection, Divine Impassibility, suffering of Christ*

Санников Сергей Викторович, доктор богословия, доктор философских наук, пастор церкви ЕХБ, главный редактор альманаха «Богомыслие». ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5549-9820>

Вступление

◆ Обычно статьи Альманаха Богомыслие носят довольно академический характер, как говорится – «ничего личного», но когда звучат сирены и слышны отдаленные залпы, статью можно начать с личной рефлексии.

Когда жизнь течет более-менее равномерно: серые будни сменяют яркие, но все же похожие друг на друга воскресения, мы редко думаем о Божьем присутствии. Конечно, мы знаем, что Оно здесь, рядом; что Господь присутствует каждое мгновение и в каждой былинки мироздания, но вряд ли мы осознаем Христа близко. Но как все меняется, когда начинаются потрясения и стрессы!

Когда чуть больше года назад мне удаляли раковую опухоль, а за несколько тысяч километров от меня в это же время умирал от рака мой сорокалетний сын, я писал статью о реальности Божьего присутствия в евхаристии. Это была чисто академическая статья. Несколько недель в ознобе от высокой температуры я размышлял о невидимом Присутствии и отчетливо переживал Его. Под капельницами было много времени, и когда я одной рукой стучал по клавиатуре, в диалоге с Семеном Франком и Юргеном Мольтманом, присутствие Христа было очевидно, как никогда. Но через пол года ощущение близкого Присутствия притупилось, и стало медленно перемещаться из опытного в информационное. Я по-прежнему знал, что Он здесь, но Его присутствие стало иным. Статья была готова, но до сих пор так я и не подал ее к публикации. Размышление о Божьем присутствии продолжались, но почему-то я потерял интерес к этой теме.

Потом была еще одна раковая опухоль и еще одна успешная операция. Бог снова стал близко, а потом опять наступила успокоенность. Но 24 февраля 2022 пришло новое, на этот раз глобальное потрясение. Хотя уже к концу 2021 г. все понимали, что война неизбежна, и если в первом акте на стене повесили ружье, то в третьем акте оно обязательно выстрелит, но все же невозможно было поверить, что старший брат начнет физически расправляться с младшим. Но неизбежное совершилось, и Старый мир стал рушиться на наших глазах, не решаясь противостоять агрессору, но продолжая высказывать «серьезную обеспокоенность». Украина стало первым полем прямого военного сражения в Третьей мировой. И теперь снова Божественное присутствие стало очевидным. Разве не Его рука сдерживала российскую армию в десятки раз превосходящую украинскую и по подготовке, и по численности, и по вооружению? Разве не Он полз по мерзлому полю с развороченной кровотокающей ногой, когда командиры, выключив рации, умчались на своих машинах? Не Он ли срывал горящую от залпа Града одежду со своего кровоточащего тела? Ведь это Он рыдал материнскими слезами над телом единственного ребенка, лежащего под завалами от российского

ракетного удара. Как удивительно точно описал присутствие Христа в горячей от взрывов Украине папа Франциск, когда молился так:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных.

Господи Иисусе, рожденный под бомбами в Киеве, помилуй нас.

Господи Иисусе, умерший на руках Своей Матери в харьковском бункере, помилуй нас.

Господи Иисусе, отправленный в 20 лет на фронт, помилуй нас^[1].

Переживая смиренное присутствие Христа среди руин молодой державы, которая только начала возвращаться к жизни после семидесятилетнего коммунистического рабства, мы невольно вопрошаем: почему понимание близкого Божественного присутствия неразрывно связано со страданием? Какая тайна заключена в острой физической или душевной боле? Связано ли это только с греховным состоянием человека или в страданиях всей твари есть более глубокий богословский смысл? Нужны ли страдания духовному миру и самому Богу? Может ли Бог сострадать нам или такие переживания Ему несвойственны? Насколько реальным и полным было присутствие Бога в крестных страданиях? И если оно было реальным и полным, то разве нам не приличествует такой же путь?

Возможно, многие сегодня удивленно вопрошают: Неужели Христос действительно находится среди украинских руин, а не в сияющей славе Небес, и почему Он снова и снова переживает боль вместо того, чтобы остановить зло одним только словом? Ведь Он может это сделать, хочет это сделать, и сделает в свое время, но почему не сейчас, когда нам так нестерпимо больно? Когда мальчишки в форме и те, которые в танке и те, которые стреляют в этот танк, гибнут ни за что? Присутствует ли Христос в гуще человеческого зла, беззакония, несправедливости, лжи и ненависти? И если присутствует, то как и для чего?

Именно сейчас, когда боль достигает почти невыносимого накала, мы можем и должны осознать невидимое Присутствие, пережить Его и осмыслить Его служение падшему творению хотя бы отчасти. К сожалению, в благополучные времена это сделать трудно, потому что мы заняты. Но сейчас, в осажденной Одессе, где время от времени слышны взрывы, и не знаешь – куда прилетит следующая русская ракета, самое время задуматься о назначении страданий.

Одесса, 23-60-ый день войны.

^[1] Молитва составлена епископом Доминико Батталья. URL: <https://www.catholicnewsagency.com/amp/news/250689/ukraine-war-here-s-the-prayer-for-ukraine-cited-by-pope-francis>

Страдания сопровождают всю человеческую жизнь. Клайв Льюис писал: «Живые существа причиняют боль рождаясь на свет, живут чужой болью и в боли умирают»^[2]. А христиане всегда переживают как минимум двойное страдание. С одной стороны они страдают как любые живые существа, а с другой стороны – сам факт следование за Христом предполагает дополнительные страдания, потому что Иисус предупреждает: «кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Мф. 10:38-39). Взять крест и потерять душу – это ясные метафоры страдания.

Являются ли страдания случайным, ошибочным, хотя и предвиденным следствием человеческого непослушания или они предусмотрены Всевышним как неприятный, но обязательный инструмент духовного роста и совершенства? Это и есть главный вопрос наших исследований.

Хотел ли Бог, чтобы Его единородный Сын страдал глубоко и мучительно или Он пошел на это по необходимости, чтобы «исправить» искажение или нарушение Его предвечного плана домостроительства Царства Небесного? Мог ли совершенный Бог допустить ошибку, которую приходится исправлять такой страшной ценой всему живому, включая Иисуса Христа? Может быть, кому-то такие вопросы покажутся неблагочестивыми, но повзрослевший мир учит нас ставить их и искать евангельские ответы на них. Образ библейского Бога, суверенного Творца, Который знал все от начала и приуготовил Агнца, как бы закланного от создания мира (Отк. 13:8), надо согласовать с представлением о грехопадении. Идея о том, что страдания изначально не планировались Творцом и Бог был «вынужден» исправлять зло, боль и страдания, самопроизвольно возникшие в Мироздании, противоречат представлению о Совершеннейшем Творце миров (Иов. 37:16).

На появление страданий можно посмотреть с разных перспектив. Если творчество – один из самых выдающихся атрибутов Бога, Который творил от начала (сотворил – Быт. 1:1), творит донныне (донныне делает – Ин. 5:17) и продолжает свое творение в конце обозримой истории (творю все новое – Отк. 21:5), то процесс творчества состоит в движении от менее к более совершенному. При этом зная, что Бог не ошибается в творческом процессе, можно предположить, что страдания – это неизбежное состояние, сопровождающее процесс творения, также как преобразования начальной тьмы и хаоса в свет и порядок происходит через постепенное преодоление несовершенства. Т.е. похоже, что страдания являются необходимым, хотя и преходящим, временным элементом процесса творения из «тьмы над бездною» (תְּהוֹם *tehom* – бездна) в совершенный мир (τέλειός – совершенный) Царства Небесного, или из

^[2] Клайв Стейплз Льюис, Страдание, пер. Трауберг Н. (М.: Гнозис; Прогресс, 1991), 15.

хаоса, который олицетворяет предельное страдание, к безукоризненной гармонии, где Бог будет все во всем. Такое представление контрастирует и совершенно не согласуется с идеей, что страдание – это только отклонение от первоначального замысла, что это недоразумение, допущенное Богом, досадный зигзаг идеального плана. Возможно, следует взглянуть на страдания не только с негативной, но и с позитивной, созидающей точки зрения.

Если в Средние века страдание смиренно воспринимали как неприятный, но обязательный и неизбежный атрибут повседневной жизни, то в Новое время люди всячески стараются избежать или хотя бы максимально уменьшить страдания. Современные люди ориентированы на удовольствие и безболезненность и направляют максимум усилий, чтобы пребывать в этом состоянии. Для них страдание рассматривается исключительно как негативная ценность, и с точки зрения окончательного Божьего замысла это безусловно правильно. Любой нормальный человек воспринимает и должен воспринимать страдания как нечто чуждое и нежелательное для себя. Но парадокс заключается в том, что абсолютно никто, какое бы положение в мире он не занимал, не может уйти от страданий, разве что он проживет жизнь как бесчувственный овощ. В современной Украине люди понимают боль и страдание особенно остро. И все же, невозможность уйти от страдания не означает невозможности по-разному воспринять его.

Люди могут переживать страдания неодинаково. Кто-то яростно кричит в пустое, как ему кажется, небо и ругает Бога; кто-то задает вечный вопрос – «За что мне это?»; другой покорно молчит, бездумно принимая случившееся как неотвратимую карму, иной старается не замечать страданий и обезболить их. Понять существование страданий и их назначение, отвергая общий смысл бытия Вселенной, невозможно. Если весь мир – это результат случайной игры бессмысленных атомов, то страдания конечно естественны и неизбежны, и их надо максимально редуцировать. Христиане чувствуют страдания гораздо острее людей, не знающих Бога, еще и по той причине, что становятся намного более чувствительными не только к своей боли, но и к горю других людей. Но и они смолкают перед тайной страданий. И все же свет библейского откровения позволяет воспринять эту тайну с достоинством. Христиане видят, пусть в тени и полумраке, конечную цель и назначение тайны страдания, нехристиане не видят даже самой тайны. Поэтому христиане страдают, продолжая исповедовать Божью любовь и могут, не понимая смысла происходящего, принимать верой, что даже невероятные мучения, выпадающие на их долю, служат им ко благу (Рим. 8:28). Не случайно, много перестрадавший за свою жизнь известный религиозный деятель Лука Войно-Ясенецкий, назвал свою автобиографическую повесть «Я полюбил страдания».

Что такое страдания?

◆ Каждый интуитивно понимает – что такое страдание. Обычно это всё, что человек отвергает, что доставляет ему неприятность, от чего хочется избавиться. Это дискомфорт, боль, неприятные и тягостные душевные мучения, переживание тоски, беспокойства, угнетенного духа, смятения и тому подобное. С психологической точки зрения страдания определяются как чувство или эмоциональное состояние человека в виде отрицательных переживаний, возникающих под воздействием травмирующих его психику событий, глубоко затрагивающих его личностные структуры, настроение, самочувствие и другие ценности^[3]. В социальном аспекте страдание представляет собой результат отчуждения, отторжения, непризнанности другими людьми. Духовные страдания – это отсутствие гармонии, конфликт с духовным миром, противоречия с его ценностями.

С антропологической перспективы страдания глубоко затрагивают все аспекты человеческой природы: они касаются его телесной составляющей, вызывая физическую боль в теле – это самая очевидная составляющая страданий; они провоцируют социальную и эмоциональную боль от обид, несправедливости, унижения, попрания человеческого достоинства; иногда страдания терзают духовное естество человека, отражая физическую и душевную боль или они возникают от нападения враждебных духовных сил.

Конечно, описывать сущность страданий можно с разных дискурсов. Например, Юрий Антонян классифицирует страдания с криминально-правовой точки зрения, т.е. анализируя вызывающие их причины: это страдания, вызванные муками совести, раскаянием, связанные с духовными переживаниями, порожденные межличностными отношениями; страдания в связи с недугами, болезнями, старостью, вследствие социальной несправедливости, бедности, необеспеченности, мучения из-за преследований, гонений, пыток; страдания из-за войны и всех бед, связанных с ней; страдания из-за страха смерти и др.^[4] Франц Карл Мюллер-Лиер, в своей классической работе «Социология страданий» подходит к страданиям с социальной перспективы, разделяя страдания на два больших класса: естественные конфликты (болезни, старость, землетрясения и пр.) и социальные – всё вызванное людьми и их взаимоотношениями (судебные ошибки, преступления, войны, пытки и пр.)^[5]. Современная медицина рассматривает страдание и боль как «своеобразное психофизиологическое состояние человека,

^[3] Юрий Миранович Антонян, «Страдание и его роль в культуре», Высшее образование сегодня, вып. 4 (2010 г.): 20–27.

^[4] Там же, 26.

^[5] Франц Карл Мюллер-Лиер, Социология страданий (Ленинград: Земля и фабрика, 1925).

возникающее в результате воздействия сверхсильных разрушительных раздражителей, вызывающих соматические или функциональные нарушения в организме»^[6].

Обобщая, можно сказать, что человеческие страдания – это дисгармония, отсутствие естественного изначального равновесия, правильных взаимоотношений, это искаженная целостность и разрушенная свобода всех аспектов человеческого бытия – и телесного и душевного, и духовного. В медицинском смысле – это болезнь и боль, это отсутствие равновесного функционирования тела; старость – это дисбаланс роста и умирания клеток и органов, при котором процессы старения опережают процессы омоложения. В психологическом смысле, это переживания, травмирующие чувства, доставляющие дискомфорт и разрушающие душевный мир. В социальном отношении – это воздействия, ведущие к расстройству сформированных и устойчивых личностных структур. В юридическом смысле это несоблюдение законов и совершение преступления, в духовном мире это попытка поработить или даже уничтожить свободный человеческий дух. Другими словами, хотя страдания, это прежде всего дисгармония и несовершенство, в обыденном смысле они воспринимаются как нарушение здорового равновесия, задуманного Богом и заложенного Им в человеческом естестве, в социуме и в Мироздании. Т.е. обычно страдания рассматриваются не в дискурсе творения от хаоса к совершенству, а в перспективе отклонения от идеального и последующего, горестного возвращения к нему.

Если оценивать страдания как нарушение идеального, изначально задуманного Богом процесса жизни Вселенной, то ясно, что они не имеют онтологического бытия и не существуют в том смысле, как существуют материальные предметы или физические явления, так же как не существует тьма или холод. Тьма есть отсутствие света, а холод – отсутствие тепла. Отсутствие не может быть сущим во времени и в пространстве. Это то, чего нет или то, что берет своё как-бы бытие от того, что есть. Как скажем, сумерки есть уменьшения силы света, а прохлада есть уменьшения теплоты. Но сказать человеку, страдающему от боли или душевной муки, что страдания не существуют, будет, по меньшей мере, оскорблением. Объяснять ему, что головная боль от контузии это просто уменьшения здоровой силы его мозга выглядит как издевательство. Для страдающего страдание существует более, чем реально в том же смысле, в каком реально в мире существует зло, тьма и холод. Страдание реально в переживании его, в изнеможении от всякого рода боли, и это также онтология, хотя и другого рода.

Поэтому с перспективы трезвой реальности, которую открывает христианство – буддийское или эпикурейское отрицание страданий выглядит

^[6] Алла Валентиновна Антюхина, «Боль и страдание: философское осмысление», Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, вып. 4–1 (2013 г.), 25.

как неумелая попытка убежать от острого вопроса; сконцентрироваться только на положительном; образно говоря «спрятать голову в песок». Позитивизм полезен, если сохраняется трезвая оценка негативизма. С этой точки зрения описание страдания только в апофатических характеристиках, как ущемление, искажение, недостаток гармонии, добра, святости, не открывает полноту картины Божьих действий. С провиденциальной перспективы к феномену страдания надо подойти более широко. Его нельзя рассматривать только как нарушения Божьего замысла и ошибку в создании гармоничного мира. Оно, несомненно, имеет катофатический, позитивный смысл не только для людей, но и для Богочеловека Иисуса Христа. Не случайно Писание говорит, что Вождь спасения был совершен не через волевое решение Свыше, а через страдания (Евр.2:10) и добавляет, что «хотя Он и Сын, однако страданиями навывоспитан, и, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного» (Евр. 5:8-9).

Как показал Семен Франк: «страдание – вопреки всем столь явно софистическим и неубедительным попыткам описать его как чистое «умаление» – есть нечто, имеющее положительное содержание ... Страдание есть подлинная, хотя и тягостная реальность. И в отличие от морального зла, которое, будучи пустотой и безосновностью ... страдание есть род реальности, сознающей, что он не должен быть и стремящийся победить или преодолеть себя»^[7]. Т.е. страдание действительно существует, но в его реальности есть некая сверхрациональная тайна, которая не может быть объяснена и в этом смысле оно не может быть оправдано, но оно заставляет себя преодолевать и проживать.

Источник страданий

◆ История человеческих страданий начинается в Эдемском саду с грехопадения первых людей. Шесть дней творения образно представляют процесс создания Богом прекрасного мира: «и увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1:31). «Весьма хорошо» означает, что Бог сотворил стройный, красивый, хотя еще не вполне совершенный порядок вещей. В мире, в котором жили Адам и Ева, существовало добро и зло, но оно было неведомо первым людям. Они соприкасались с добром и высшим благом, но не знали, что оно добро. Зло объективно существовало в Эдемском саду, но оно было как бы вне прародителей. Оно было сколлапсировано в виде древа познания добра и зла и в виде змея-искусителя, и не нарушало наивной гармонии первозданного мира. Эдемский сад не был идеальным местом, которым должно стать Царство Небесное в конце мировой истории, но он был прекрасным местом непосредственного и ничем не нарушаемого общения Бога со Своим творением. Но все же, это была в некотором смысле стартовая

^[7] Семен Франк, Непостижимое (М.-Берлин: Директ-медиа, 2017), 412.

позиция, а не финальная ленточка многовекового забега человечества к совершенству.

Ясно, что физического и духовного страдания в первозданном мире не было, но в некотором смысле было страдание от несовершенства, от незнания добра и зла, и когда змей предложил Еве легкий путь его познания, она немедленно согласилась. Стремление и желание совершенства были изначально заложены Богом, но у Него очевидно были и другие, менее болезненные пути к нему.

Первые люди неправильно использовали опасный подарок, данный им Творцом – реальную свободу выбора добра и зла. Можно проклинать этот высочайший дар Божьей благодати, можно отказываться от него и говорить, что это не морально со стороны Бога, позволить выбрать зло, зная его последствия, но без настоящей свободы стать детьми Божьими очевидно невозможно. Нам кажется, что это слишком дорогая цена, но положение, которое люди обретают в Боге, пройдя путь страданий, несравненно выше заплаченной цены. Как бы то ни было, приходится согласиться с очевидностью существования зла и страданий, понимая их неестественность и абсурдность, и не принимая их морально и духовно, потому что человеческая природа не может смириться с ним.

Люди понимают, что подавляющее большинство страданий наступают как результат вполне конкретных человеческих действий. В сегодняшней действительности мы чаще всего сталкиваемся не со стихийным злом, не с абстрактным мировым правительством или незримым великим Хамом – Антихристом, а с конкретной войной, злобой, ненавистью, имеющих своих носителей. Это не Бог придумал пытки и фосфорные бомбы, не Он убивал людей в Гостомеле. Эти и другие страдания доставляли конкретные люди таким же людям как они. Клайв Льюис заметил, что «возможность страдания присуща миру, где души встречаются друг с другом. Когда души эти плохи, они не упустят случая друг другу навредить, и к этому, по всей вероятности, сводятся четыре пятых всей человеческой боли»^[8]. Четыре пятых всех страданий, по оценке Льюиса, наносят люди друг другу, и только одну пятую составляет природное зло.

Зачем страдать?

- 80 ◆ Чаще всего страдания вызывают ненависть к их носителю, желание отомстить, восстановить справедливость или доказать свое превосходство, и только значительно позже, когда эмоции хоть немного остывают, люди начинают осмысливать не только внешнюю причинно-следственную связь зла и его последствий, но и более глубокие духовные причины происшедшего. Позже, и то, только у некоторых, появляется желание понять вообще смысл существования страданий во Вселенной и возникает вопрос – зачем Бог допускает страдания?

^[8] Льюис, Страдание, 76.

Страдания как наказание?

◆ Классический ответ большинства людей, воспитанных в иудео-христианской традиции, заключается в том, что страдания – это наказание за грех. И в этом ответе, безусловно, содержится значительная часть истины. Действительно, страдания связаны с грехом, но эта связь не такая простая, как ее часто подают, говоря: «Бог наказывает людей, посылая страдания за их грехи». Даже многочисленные ветхозаветные примеры наказания Израиля за их грехи и отступления, не являются подтверждением. Настоящее наказание за грех ждет нераскаянных людей в вечности, но от него можно избавиться посредством веры в Голгофскую жертву Христа. В настоящее время, в период благодати, Бог долго терпит, не наказывая людей за их дела, но в то же время Он допускает пережить следствие их греховных дел и поступков. Результат и следствие своей злобы, греховного буйства, разрушения окружающей среды и других дел, люди пожинают в виде умножающихся страданий. Во Вселенной действует непреложный Божий закон: «что посеет человек, то и пожнет» (Гал. 6:7). Если человек совершает грех, то всходы этого греха он непременно пожнет в виде горя, морщин, неприятностей, войны и других страданий. Другими словами, вступает в действие причинно-следственная связь, как в случае с законом всемирного тяготения: ньютоновское яблоко падает вниз, а грех человеческий производит скорбь и страдания. Человек доставляет людям страдания, которое потом бумерангом возвращается к нему самому от других людей. Таким образом, страдания в нынешнем веке, это не столько наказание за грех, сколько следствие греха.

Страдания возвращают к Богу

◆ Современное общество убеждено, что жизненным идеалом является исполнение любых человеческих желаний в полном объеме, и оно активно стремится к этому. Страдание признается абсурдным и несовместимым с назначением человека, стремящегося к безоблачному счастью. Новые технологии предлагают реальные, действенные средства для уменьшения или полного исключения внешних страдания; машинный, обезличенный труд устраняет всякое напряжение; доступность любовных наслаждений без любви, уничтожает саму любовь; появление так называемого «цивилизованного» подхода к напряжению, усилию, к боли, страданию, муке, – делают жизнь комфортнее и спокойнее, но рождают неудовлетворенность. Использование анестезии стало метафорой современной культуры.

В. Савчук справедливо замечает: «Мы живём в обществе анестезии. Мы можем сегодня родиться, жить и умереть под наркозом»^[9]. Он указывает

^[9] В.В. Савчук, «Насилие в цивилизации комфорта», Антропология насилия. – СПб.: Наука, 2001, 484.

на культурную анестезию – бесчувственность и иронически отстраненное отношение к социальным бедствиям и страданиям других людей. Информационный поток обеспечивает покой и духовный сон, не задевающий глубины сознания. Остается только желание наслаждения, но как указывал Виктор Франкл, «Чем сильнее человек стремится к наслаждению, тем настойчивее оно от него ускользает, и наоборот: чем сильнее человек старается избежать страданий и несчастий, тем быстрее они его настигают и его эскапизм оборачивается против него самого»^[10].

Традиция говорит о древнем китайском проклятии: «Чтоб все твои желания исполнились!». Человеческие желания – это всегда страдания от еще несбывшегося, но человек не может жить без несбывшегося, а значит, не может жить без страданий. Полное удовлетворение желаний приводит к состоянию «ничто и никто». В таком состоянии удовлетворяются и исчезают все желание и в том числе желание жить, и тогда наступает *melancholia anaesthetica* – меланхолическое бесчувствие, как говорят в психопатологии, когда возникает непрекращающееся страдание от невозможности жить и страдать. Артур Шопенгауэр писал: «Если у человека не оказывается объектов хотения, потому что их сейчас же отнимает у него слишком легкое удовлетворение, то им овладевает страшная пустота и скука, — т. е. его существо и самая жизнь становятся для него невыносимым бременем. Таким образом, его жизнь качается, подобно маятнику, взад и вперед между страданием и скукой»^[11]. Скука и пустота толкают людей на поиск острых ощущений, вызывающих страдания, потому что без них жизнь оказывается слишком «пресной». Страдания таким образом пробуждают человека и заставляют его искать более глубокий, вечный смысл своего бытия. Этот смысл человек не может найти в семье, в работе, в развлечениях и даже в творчестве. Спокойная или беспокойная жизнь не приносит счастья, а только обостряет тоску о нем, потому что человек создан для Бога и только в Нем он может обрести подлинное успокоение и блаженство.

Писание замечает, что «человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх» (Иов 5:7). Без страданий устремляться вверх человеку трудно, если вообще возможно. Сытая, спокойная жизнь, как бы достигшая «простого человеческого счастья» поработает человека, и его душа становится неспособна слышать голос Божий. Человек в таком состоянии привязывается к благополучию, и к преходящим, обманчивым земным ценностям, но, когда наступает время умирать, приходит в ужас, потому что не обрел вечной опоры. Человеческий опыт подтверждает, что чем больше человек удовлетворен своей земной, посюсторонней жизнью и надеется обрести счастье в ней, тем меньше он ощущает стремление к

^[10] Виктор Франкл, Логотерапия и экзистенциальный анализ (М.: Альпина Паблишер, 2016), 109.

^[11] Артур Шопенгауэр, Полное собрание сочинений, т. 1 (М.: ДП Ефимова, 1910), 322.

высшему. Он думает, что желанная птица счастья уже рядом и надеется поймать ее за ближайшим поворот судьбы, но она ускользает вновь и вновь. Поэтому для пробуждения духа нужны страдания и бедствия, которые разрушают иллюзию найденного земного смысла^[12].

Виктор Франкл выразил эту мысль иначе: «Страдание способствует тому, чтобы уберечь человека от апатии, от духовного окаменения. Пока мы способны к страданию, мы остаемся живыми духовно. Действительно, мы мужаем и растем в страданиях, они делают нас богаче и сильнее»^[13]. Другими словами, Бог часто использует страдания, для пользы людей и в конечном счете для Своей славы. Через страдания Он часто возвращает людей к истинной жизни, хотя нередко страдания вызывают озлобление и негодование на Бога и отвержение Его, но в любом случае они выводят человека из сонного духовного равновесия и заставляют принять определенное решение по отношению к Богу.

Страдания очищают

◆ Иногда причиной страданий бывает необходимость очищения человека или предотвращения его от неверного поступка или ошибочного пути. Особенно такой подход Господь нередко использует для христиан, возвращая им, через страдания, истинное видение Царства Небесного. Слишком часто христиане оказываются вовлеченными в построение Царства Божьего на земле, переакцентируя «уже, но еще нет» в сторону «уже». Царство Отца действительно уже здесь, на земле со времени прихода Христа, но, как сказал Господь: «не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17:20-21). Оно живет как способ действия в сердцах истинных детей Божьих и когда они сбиваются с пути, направляясь во множество ложных и обманчивых тупиков, то Господь по милости Своей допускает страдания, чтобы обратить их взор к грядущему Царству. Псалмопевец свидетельствует: «Прежде страдания моего я заблуждался; а ныне слово Твое храню» (Пс. 118:67), а Ап. Петр добавляет: «Страдающий плотью, перестанет грешить» (1 Пет. 4:1).

Если христианин живет во грехе и не понимает этого, или не имеет силы остановиться, Бог может допустить ему страдания. В медицине это называется шоковой терапией. Она заключается в том, чтобы каким-либо способом привести организм в еще более болезненное, но контролируемое состояние, которое способно высвободить в нем новые силы для борьбы с болезнью и в результате победить ее. Нечто подобное вынужден применять к людям Господь. Он может использовать страдания,

^[12] См. анализ этой темы в А.В. Сенкевич, «Проблема страдания в истории философии: основные парадигмы», Известия Волгоградского государственного педагогического университета, вып. 3 (2009 г.), 14.

^[13] Виктор Франкл, Человек в поисках смысла (М.: Прогресс, 1990), 245.

которые столкнет человека с неустойчивого состояния заигрывания с грехом и обратят его ко Христу, Который даст ему окончательную победу. Писание говорит: «Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами; как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?» (Евр. 12:6-8). В этих словах сокрыто величайшее утешение для людей. Часто дети не понимают, почему их наказывают родители. Они обвиняют родителей в нелюбви, но ведь это наказание необходимо не родителям, а детям! И только спустя многие годы они начинают понимать, что наказания были им действительно полезны. Многие страдания, которые сегодня непонятны и принимаются только верой, а не разумом, получают объяснения в Вечности, а точнее, встреча с Истиной уничтожит сами вопросы и ответы там станут не нужны.

Такое понимание указывает, что град Небесный, а не земной должен быть целью и смыслообразующей силой для христиан. «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1Кор. 2:9), но когда земное благополучие заслоняет эти образы, страдания делают очертания Вечности четче и резче. Поэтому в дни, когда рушатся призраки земного счастья, достатка и устойчивой жизни, когда нажитое годами исчезает как дым, когда черные тучи сгущаются над Европой, – тогда сердце наполняется беспредельной жаждой близкой встречи с Иисусом. Молитва: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Отк. 22:20) начинает звучать с особой силой. Таким образом, страдания становятся путем развития и самосовершенствования.

Страдания как испытания

◆ Библейское повествование открывает еще один важный аспект страданий, который не связан с предшествующими поступками. Это то, что Виктор Франкл называл «благородные страдания», т.е. страдания, которые не вызваны самим человеком, его ошибками, грехом или преступлением. Они обрушиваются на страдальца извне незаслуженно и кажутся случайными, странными, необъяснимыми, но на самом деле имеют глубокий провиденциальный смысл. Они совершенно непохожи на «неблагородные страдания», которые человек сам навлекает на себя и которые он мог бы избежать.

Некоторые из таких роковых страданий связаны с испытанием человека и доказательством его праведности и верности Богу пред людьми и незримым духовным миром. Так было, например, с ветхозаветным праведником Иовом. Он был чист и непорочен пред Богом (Иов. 1:1), и внезапные страдания, которые постигли его, не являлись следствием совершенных им грехов или предотвращением от будущих грехов, или профилактикой от гордости, или средством освящения. Это было испытанием его праведности и доказательством его верности Богу.

В результате этого испытания сатана был постыжен, и перед всем духовным миром была продемонстрирована стойкость этого человека. Поэтому написано: «Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного» (1 Пет. 4:12).

Какова бы ни была причина страданий, следует четко понимать, хотя это невообразимо трудно сказать, когда сталкиваешься с изуверством, насилием и смертью, что в конечном счете все страдания умножат славу Бога. Когда ученики обратились ко Христу с вопросом о причине болезни слепорожденного, думая, что виной этой болезни является грех, то Христос ответил: «Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии» (Ин. 9:3). Точно так квалифицировал Иисус болезнь своего друга Лазаря: «Эта болезнь не к смерти, но к славе Божией» (Ин. 11:4). Фактически, если дети Божии правильно относятся к страданиям, то независимо от их причины они послужат к славе Божьей. Смерть самого Христа была величайшим унижением и оскорблением, но даже это кульминация страданий и смерть всех смертей вела к славе Божьей.

Причем, слава Его может быть умножена не только тогда, когда наступит избавление от страданий, но во многих случаях Господь удостоится еще большей славы, если страдалец терпеливо перенесет всё и прославит Господа своим страданием, а возможно — и смертью. В 11 главе послания к Евреям описаны герои веры, через которых Бог прославился особенным образом. Они могуществом Божиим «угашали силу огня, избегали острия меча, ... жены получили умерших своих воскресшими; иные же замучены были, ... другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча» (Евр. 11:34-37). Часто людям представляется, что слава Господу будет от Его чудодейственного вмешательства и сверхъестественного избавления от страданий, но из Писания видно, что слава Божья умножается не только от избавления, но и от стойкого и мужественного перенесения страданий. Поэтому следует помнить Гефсиманскую молитву страдающего Иисуса: «Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты!» (Мф. 26:39).

Переживая страдания важно не столько понять их назначение, сколько мужественно и правильно отнестись к ним. В отличие от животных, человек в большинстве случаев может осмыслить их и превратить бессмысленную муку в осмысленные страдания. В противном случае происходит деградация. Сталкиваясь со страданиями, одни люди сохраняют человеческий облик и выходят из испытания окрепшими и обогащенными, другие же утрачивают все, что дает им право называться человеком. Результат зависит от отношения к страданиям, готовы ли мы познать их смысл или намерены бежать от них или проклинать Бога за них.

Страдания за другого

◆ Есть еще один важный аспект концепта наказания за грех: это идея искупления или необходимость справедливого возмездия за совершенное преступление. Обычно наказание за преступление несет провинившийся, он страдает за свои ошибки. Но преступление часто затрагивает и других людей, которые страдают из-за чужой провинности. Другими словами, в широком облаке страданий есть случаи, когда причина страданий лежит не в страдальце, а в другом. Это может быть как сострадание, так и страдание за кого-то, а иногда вместо кого-то. Исходной причиной таких страданий также является грех, их смысл и назначение – справедливое возмездие за совершенное преступление, но переносятся они не за себя и свой грех, а за преступление другого.

Наиболее ярким примером такого рода являются страдания Иисуса Христа. Писание говорит, что «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого (εκένωσεν), приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Фил. 2:6-8). Христос был и навсегда остается истинным Богом в полном смысле этого слова, однако Он добровольно уничижил и опустошил (κένωσις) Себя, не пользуясь во время пребывания на земле многими атрибутами Божества (вездесущностью и др.). Обычно этот род страданий называют кеносис (κενόω – пустота).

Иисус воплотился в человеческую плоть, что уже стало величайшим унижением для Божества, и более того, Он испытал обычные человеческие страдания, возрастая и живя среди людей. В расцвете сил Он пережил предательство, оставленность, унижения и насмешки, нечеловеческие страдания плоти и саму позорную, медленную и мучительную смерть. К этому следует добавить не только социальные и душевные страдания, но и глубочайшую духовную муку богооставленности. «Элои! Элои! ламма савахфани? – что значит: Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мр. 15:34) – это не только вопль жуткого отчаяния, но и свидетельство разлуки с Отцом. Это предельная тьма, полная пустота, глубочайшее опустошение, неизмеримое горе, страдание самого страдания. Казалось, что на Кресте тьма поглотила Его. Но это было не так. Смерть захватила Сына Божьего только на время. Она опустила Его в самые глубины преисподней, но не могла удержать, ибо в Нем не было собственного греха. Все эти страдания Христос перенес за грех рода человеческого (1 Пет. 1:18; Гал. 4:5).

Любой грех и преступление – это нарушение божественного порядка, гармонии, целостности и он неизбежно требует возмездия, справедливого наказания и восстановления. Преступление можно искупить только страданием. С этой точки зрения любой грех, совершенный против какого-либо человека или против природы – это грех против

Бога и прощение возможно только как восстановление нарушенного единства. Поэтому полнота прощения может прийти только Свыше. Фарисеи правильно вопрошали: «кто может прощать грехи, кроме одного Бога?» (Мр. 2:7). Это может сделать только Богочеловек. Грех, как преступление против Святого Бога не иначе можно было уничтожить, как только страданием.

Вочеловечившись, Господь вобрал в Себя не только персональную индивидуальность и ипостасность, как конкретный человек, живший в Палестине почти 2000 лет назад, но и всеобщую человеческую природу — человечность как усию (природную сущность или естество). Этим ипостасным вочеловечиванием Он приобщил к Себе весь род людской в его усийной сущности. Поэтому, когда Христос умер, то в Нем и мы умерли (Кол.3:3), т.е. была уничтожена греховная человеческая природа и восстал новый человек во Христе (2 Тим. 2:11). Таким образом, Христос пострадал, отождествившись с нами, и мы пострадали и пережили смерть с Ним (Рим. 6:8). Все страдания Христа на протяжении Его земной жизни, а особенно крестные муки стали возможны потому, что Он вобрал в Себя все человечество и стал совокупным человеческим грехом (2 Кор. 5:21). Если бы Иисус не взял на Себя человеческий грех, то страдания и смерть не имели бы над ним власти, потому что они сами производное греха. Таким образом, страдания Христа были вызваны чужими преступлениями, это были мучения за других.

Страдания за Христа и со Христом

◆ Страдания, которые пережил Христос, совершая искупление, относились ко всему роду человеческому, поскольку Он вобрал в Себя всех, но реальными их плодами пользуются только те, кто принимают их верой и соединяются со Христом личным актом доверия. Христос совершил на Кресте полное искупление всего вселенского греха и Церковь, как Его тело, провиденциально, с точки зрения Вечности, соучаствовала в этом акте, который произошел почти 2000 лет назад в Палестине. Но присоединяясь ко Христу актуально, в определенный момент времени дети Божьи очевидно должны пройти определенный путь страданий и скорбей, как Тело Христово, находящееся во времени и идущее крестным путем за своим Господином. Это очень странная и трудно объяснимая перспектива.

Ап. Павел пишет: «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь» (Кол. 1:24)? Если Христос взял на Себя все страдания и мучения всех людей, в том числе и Павла, то зачем Апостолу страдать в темнице, в гонениях, претерпевая мученическую казнь? О каком недостатке скорбей Христовых он говорит? Не испил ли Христос чашу скоби до дна? И можем ли мы, как Церковь прибавить что-то к скорбям, бедам

и унижениям, которыми перестрадал Иисус Христос? Не абсурдна ли сама постановка такого вопроса? Конечно, Его смерть искупила абсолютно все грехи, но совершенство Тела Его достигается исключительно во время странствования в Небесную страну, только через единство радости и скорби, через неразрывность счастья и страдания.

Как это не кажется странным, но Писание подчеркивает неизбежность страдания святых не за себя, а за Христа, хотя казалось бы – зачем страдать за Христа, почему христианство должно утверждаться через страдание?

Важно отметить, что никто из мучеников за Христа никогда не задавал самый болезненный и самый мучительный вопрос современности – почему мы страдаем? Зачем это? Надо ли это Тебе, Господи, чтобы люди принимали мученическую смерть? Мученики шли на страдание без вопросов и с радостью. Тертуллиан писал о христианах: «Чем более вы истребляете нас, тем более мы умножаемся; кровь христиан есть семя»^[14]. Они шли на страдания путем веры, не задавая вопросов, сегодня многие задают вопросы, не делая даже первый робкий шагок веры.

Раннехристианские мученики рассматривали себя как свидетели Христа, но ведь известно, что устная проповедь о Христе привела в Церковь гораздо больше людей, чем публичное мученичество и страдание. Может быть, Павел ошибся, дополняя, как он выражается, в темнице, а позже на плахе, скорби Христа? Но, с другой стороны, вполне вероятно, что не только официальные и прославленные мученики, но и простые христиане, несущие скорби, как-бы дополняя или демонстрируя страдания Христовы, подготавливали человеческие сердца к принятию Слова. Сама по себе проповедь, не подкреплённая делами свидетеля, редко дает плод. Возможно со-чувствие и со-страдание, которые христиане могут показать окружающему миру, значат не меньше, чем вербальная проповедь. Не для этого ли Церковь-Тело Христово страдает до сих пор и слово мученик (*μάρτυς*, *μάρτύρος*) имеет двойной смысл. Это и страдалец, и свидетель одновременно. Если христианин переносит самые различные страдания, даже бытовые, как свидетельство о Христе, он участвует в страданиях Христовых.

Не объясняет ли такое представление о страданиях, замечания Ап. Петра: «как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (1 Пет. 4:13)? Разве наше участие в Христовых страданиях означает только ментальное переживание того, что произошло с Иисусом на Кресте? Или это реальная боль, физические и душевные страдания, которое происходят в жизни христианина? Контекст однозначно говорит, что Ап. Петр пишет о реальных физических страданиях. Но действительно ли христиане

^[14] Квинт Септимий Флорент Тертуллиан, Творения. Апологетические сочинения, пер. Н. Щеглов, т. 1 (Киев: Петр Барский в Киеве, 1910), 204.

должны страдать, чтобы войти в славу? Похоже, что это так. Вполне возможно, что в Царстве Небесном можно попасть и без страданий, решение об этом принимает исключительно Господь Иисус, но вход без страданий в славу в Писании не описан. Поэтому Ап. Павел объясняет, что мы: «сонаследники Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8:17). Другими словами, христиане становятся наследниками всех достояний Царства Божьего вместе с Господом Иисусом при условии – если страдают с Ним. И в случае выполнения этого условия, происходит прославление вместе с Ним. Даже о самом Спасителе сказано, что так: «надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою» (Лк. 24:26).

Страдания за Христа и со Христом сопровождаются радостью и Божьей поддержкой и потому становятся переносимы. Ап. Павел пишет: «Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше» (2 Кор.1:5). Будем ли мы после этого роптать на свою долю и сожалеть, что родились не в то время и не в том месте? Ведь нам: «дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Фил. 1:29), «чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его» (Фил. 3:10). Участие в страданиях Христа! Совсем немногим такое заявление покажется милостивым приглашением в светлое Христово воскресение!

Страдания не только «совершают» людей, делая настоящими людьми, т.е. оттачивая человечность в человеке, превращая его из алмаза в граненый бриллиант, но и имеют корпоративную составляющую. Христиане страдают как члены Тела Христова, которое уже почти 2000 лет идет к совершенству в Царстве Небесном. Страдания – это не только я и Бог, но также я и мой ближний. Страдания заставляют переоценивать тех, кто рядом с нами и вырабатывают не просто сочувствие как эмоцию, но и солидарность, как действие. «Болезненное чувство, испытанное человеком в собственном опыте, позволяет понять и воспринять переживание ближнего. В этом моменте раскрывается смысл сострадания и жертвенности, то есть принятие индивидом боли ближнего и сочувствие ему»^[15].

Страдания учат божественной любви, поэтому Церковь как целостное Тело Господа страдает вместе с Иисусом, Который страдал за Нее на Кресте. Это путь, которым Тело-Церковь проходит для совершенствования в образ Сына Божьего, как и сам Господь через страдания усовершился в образ Сына Человеческого. Поэтому Писание утверждает: «Вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него таким же подвигом, какой вы видели во мне и ныне слышите о мне» (Фил. 1:29-30).

^[15] Михаил Олегович Орлов, Ксения Александровна Мочинская, и Юлия Алексеевна Торьяник, «Смысл страдания в православном богословии и русской религиозной философии», Манускрипт 13, вып. 8 (2020 г.), 101.

Страдание Бога

◆ Феномен страданий Богочеловека Христа очень обширен и таинственен. Его нельзя свести только к заместительной жертве, которую Он добровольно принес на Кресте. Уже тот факт, что Христос неким непостижимым образом вобрал в Себя весь человеческий грех и его носителей, став последним Адамом (1 Кор. 15:45), говорит о невозможности однозначно объяснить Его боль и мучения. Писание открывает, что Христу, через Которого все начало быть, необходимы были страдания не только для нашего искупления, но и для него Самого. «Ибо надлежало, чтобы Тот, для Которого все и от Которого все, приводящего многих сынов в славу, вождя спасения их совершил через страдания» (Евр. 2:10) и еще: «хотя Он и Сын, однако страданиями навыв послушанию и, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного» (Евр. 5:8-9). Как понять, что Принцу Вселенной надо было научиться послушанию через страдания? В каком смысле Ему надо было усовершиться?

Школьное богословие предлагает «благочестивые» ответы, истолковывая эти тексты Писания. Считается, что они описывают только человеческую ипостась Христа, т.к. Бог не может усовершиться, т.е. стать более совершенным, иначе Он уже не есть Бог. Владимир Немыченков, детально анализируя патристическую литературу и работы современных православных богословов, подытоживает: «Во Христе страдает только человеческая природа, а Божественное естество пребывает бесстрастным. Во Христе Бог Сын в дополнение к Своему предвечному всеведению получил опытное знание сотворенного Им мира, в том числе опытное знание человеческих страданий – безгрешных страстей (голод, жажда, утомление и др.), душевных и телесных мук вплоть до предсмертной агонии»^[16]. Православное богословие предлагает сложные философские построения, основанные на объяснении различий божественной и человеческой ипостаси Христа, которые призваны выполнить одну единственную задачу – доказать, что изменяемость по Ипостаси не изменяет и не затрагивает божественную природу (сущность) и тем самым сохранить неизменяемость и бесстрастность Бога. Но надо ли отстаивать идею неизменности и бесстрастности? Обоснованы ли Писанием эти два божественных атрибута в их традиционном понимании?

Попытка свести страдания Христа только к страданиям человеческой ипостаси Господа, разрывают единство божественного и человеческого естества Иисуса. После воплощения эти две ипостаси в Нем соединились неслитно, но и неразделимо, непревращенно, но и неразлучимо, как говорит халкидонский символ веры. Поэтому сказать, что усовершилась только человеческая природа Христа, а божественная и так была

^[16] Владимир Иванович Немыченков, «Страдания Бога Сына в период Его земного служения: догматические аспекты», Церковь и время, вып. 3 (2016 г.), 154.

предельно совершенной, невозможно, не разделив единого Иисуса. Как пишет Юрген Мольтман: «Богословские традиции всегда рассматривали Крест и Воскресение Иисуса в сотериологическом горизонте ... Это не неверно, но недостаточно радикально. Мы должны спрашивать: что означает Крест для Самого Бога?»^[17]. Недостаточность обыденного богословского сознания в том, что оно рассматривает страдание Христа только с точки зрения пользы человека – что сделал Бог для человека, как будто человек, а не Сын Божий находится в центре мироздания и всё домостроительство Царства Божьего ведется ради него. Но это не так. Христос, а не человек есть центр Вселенной и всё существует ради Него и для Него (Кол.1:16). С этой перспективы страдания Христа имеют гораздо больший, хотя и сокрытый от нас смысл, чем только искупление рода человеческого.

Конечно, получить объяснение – как и почему Богочеловек должен был усовершениться, до конца никогда не удастся, но Писание ясно говорит, что смерть Христа нужна была также для того, чтобы Вождь спасения сделался совершенным через страдания. Бог совершил (τελεωσασθαι) Его, как Предводителя, Архегона (αρχηγον) процесса спасения через страдания. Совершил означает сделал завершенным, полностью компетентным, законченным. Другими словами, через страдания и только благодаря им, Иисус стал полностью и до конца истинным богочеловеком. Он получил не умозрительное и провиденциальное, а опытное знание человеческих страстей и мучений.

Невозможно объяснить – как воипостазированный Бог мог взять на Себя весь без исключения грех человечества и стать совокупным грехом. Многие богословы объясняют это через понятие кенозис – полное опустошение, на которое Бог пошел добровольно, чтобы стать вполне человеком. Ясно, что Христос непостижимым образом воспринял в Себя не только благочестивые страсти, типа голода или болезней плоти, но и самые безобразные грехи, которые Он должен был уничтожить Своей смертью. Бог, в сущности своей знающий добро и зло промыслительно, приняв человеческую плоть, должен быть соприкоснуться со злом и познать его в тварной реальности. Только пройдя горнило страданий, Христос мог во всем уподобиться братьям, «чтобы быть милостивым и верным первосвященником пред Богом, для умилоствления за грехи народа. Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь» (Евр. 2:17-18). Таким образом, можно с уверенностью сказать, что земные страдания сделали богочеловека Христа совершенным и выполняют аналогичную функцию и по отношению к людям.

Другой парадоксальный аспект страданий Христа заключается во внутреннем конфликте двух рядом стоящих слов: «Страдающий Бог».

^[17] Jiirgen Moltmann, *The Crucified God: The Cross of Christ as the Foundation and Criticism of Christian Theology*, trans. R.A. Wilson, *The Works of Jurgen Moltmann* (Fortress Press, 1993), 201.

Как совершенный, вездесущий, всемогущий Бог может быть Богом, страдающим на Кресте? Известно, что абсолютное совершенство не может страдать, потому что страдание как таковое свидетельствует о недостаточном совершенстве, о нарушении целостности и гармонии. Абсолют чужд страданию, как и чужд всяким чувствам вообще. Поэтому приходится считать, что страдала только человеческая ипостась Христа, опять разделяя божественное и человеческое в Иисусе.

Патристическая литература, базирующаяся на греческой философии, однозначно считает, что Бог неизменный, безначальный, бесконечный, неподвижный и неизменяемый, – бесстрастен в Своем естестве. Поэтому Западное христианство говорило о Нем как об *impassibilis* (лат. бесстрастный). Восточное христианство, говоря о Боге, использовало термин «*apathea – ἀπάθεια*» (бесчувственный, апатичный). Страсти и причиняемые ими страдания греки относили только к олимпийским богам, но бог Платона, Аристотеля и других философов был совершенен и бесстрастен и именно такой образ Бога перекочевал в христианскую патристику. Он был основан на критике человекоподобных богов греческой и римской религии, которую начали еще греческие философы, но не на образе ветхозаветного библейского Бога, Который ревнует, гневается, радуется, раскаивается (Быт. 6:5-7), меняет Свои решения (Исх. 32:10-14) и ведет Себя как полноценная личность, а не как бездвижный движитель.

Поэзия Гомера и простонародные верования приписывали богам антропоморфные страсти, такие как блуд, обман, зависть и др. Критикуя такие взгляды, Платон говорил об истинном, высшем Боге философов как о наилучшем, прекрасном и превосходном во всех отношениях и поэтому ничто извне не может подвергнуть Его никакому изменению и Сам Он не может превратиться во что-то другое, потому что любое другое будет худшее по сравнению с абсолютным совершенством, следовательно, Бог в полном смысле слова неизменен и бесстрастен (Государство, Кн. II:380d – 381d). Об этой же бесстрастности говорит Аристотелева концепция Бога как высшего Ума, пребывающего в максимальном блаженстве, бесстрастного и неизменного (Метафизика, Кн. XII:7).

Практически во всех философских школах Древней Греции идея Бога как недвижимого движителя очевидным образом подразумевала или провозглашала Его бесстрастность, и эта идея стала доминирующей в патристической ортодоксии, хотя Павел Гаврилюк настаивает, что бесстрастность, о которой много и постоянно говорит православная традиция, не связана с греческой философией. Он считает: «что не существовало философского консенсуса, который сводился бы к утверждению божественного безразличия и непричастности. Напротив, конкурирующие философские школы остро осознавали глубокие различия в этих вопросах. Отцы не могли согласиться с философами только потому, что философы не соглашались между собой»^[18]. В подтверждение

он приводит отдельные отличия философских школ и примеры страдающих и умирающих богов (Осириса, юного Диониса и др.). Однако все это трагические истории не относятся к Богу философов, а только к богам поэтов, поэтому следует согласиться с мнением большинства исследователей^[19], которые проводят бесспорную траекторию восприятия христианской патристической традицией образа Бога греческой философии.

Марсель Саро проделавший большую работу по уточнению определений в этой области богословия, писал: «термин бесстрастность следует использовать в следующем значении: неизменность в отношении своих чувств или качества своей внутренней жизни»^[20]. В применении к Богу бесстрастие понимается как Его невосприимчивость к внешним воздействиям, т.е. Он не может переживать мучение, страдание и не может умереть.

Некоторые исследователи^[21] считают, что попытка согласовать идею бесстрастности Бога, пришедшую через Плотина и христианское утверждение, что Богочеловек Христос Иисус умер на Кресте, была главной темой споров IV – V вв., как арианских, так и позже несторианских. Стремление удержать платоническую идею бесстрастности Бога, привело к многочисленным осуждениям и анафематствованиям теопасхистов^[22] и, в конечном счете, к главному пункту несогласия католической и православной церкви с сирийской, коптской и другими восточными церквями.

Очень рано в христианском богословии, в посланиях Игнатия Антиохийского, книг Иринея Лионского и др., появляется фраза «Бесстрастный пострадал». В доникейский период парадокс страданий Бесстрастного не объяснялся, а только провозглашался, а Тертуллиан даже строил на нем доказательство кажущейся абсурдности веры: «Разве не воистину распят Бог? Разве не воистину Он умер, потому что был распят?»^[23].

^[18] Paul L Gavriluk, *The Suffering of the Impassible God: The Dialectics of Patristic Thought* (Oxford University Press, 2004), 36.

^[19] См. обзорную работу А. Стрельцова «Концепция бесстрастия Бога в древнегреческой философии: был ли консенсус?», *Сибирский философский журнал* 16, вып. 4 (2018 г.): 257–66, в которой он доказывает ошибочность выводов П. Гаврилюка.

^[20] Marcel Sarot, 'Patrispassianism, Theopaschitism and the Suffering of God. Some Historical and Systematic Considerations', *Religious Studies* 26, no. 3 (1990), 368.

^[21] John J. O'Keefe, 'Impassible Suffering? Divine Passion and Fifth-Century Christology', *Theological Studies* 58, no. 1 (1 February 1997): 39–60, <https://doi.org/10.1177/004056399705800103>

^[22] Теопасхизм – это течение в богословии, утверждающее страдание Богочеловека Христа, как предвечного Слова; Импассибилизм – направление в богословии, утверждающее, что Бог бесстрастен; Патриспассианство – учение в богословии о страдании Бога-Отца.

^[23] Квинт Септимий Флорент Тертуллиан, *Избранные сочинения*, под ред. А. Столяров (М.: Прогресс, 1994), 165.

Антиномия оставалась тайной, но в патристический период дискуссия Кирилла Александрийского и Нестория уже сводилась не к тому, чтобы заявить о «бесстрастном страдании» (ἀλάθη λάθη), а главным образом к тому, чтобы объяснить страдания Христа в терминах ипостасного соединения.

В тот период все христианские богословы принимали как аксиому, что Бог бесстрастен и страдать не может и в таком случае приходится объяснять как Неизменный мог воплотиться и тем самым подвергнуться изменению и как Бесстрастный мог страдать на Кресте. Объяснять это приходится ипостасным языком разделения лиц и отличия сущности и ипостаси. Не говоря уже о том, что такой подход противоречит халкидонскому исповеданию, настаивающему на неразрывном единстве человеческой и божественной природы, подобные рассуждения чужды библейскому образу Бога. Бог в Библии – это личность, которая способна ревновать, гневаться, негодовать, любить. Как выразался Ю. Мольтман, если Бог не может страдать, тогда Он и не может любить, потому что любовь открывает Бога для страданий.

Библейские описания Бога действительно являются антропоморфизмами, но как иначе Бог может сказать о Себе, как не с помощью притч, образов, метафор и аналогий? Однако, характеристики Бога как реальной личности, несмотря на их аналогический характер, с богодухновенной точностью выражают Божии свойства и требуют более буквального прочтения, которое бы не перечеркивало их первоначальные и естественный внутренний смысл. Факт Божьих чувств и страданий никоим образом не указывает на некоторые несовершенства Божьи, а свидетельствует о диалектической противоречивости самого понятия «совершенство», отнесенного к божественной сущности. Бог страдает от любви к творению, страдает добровольно; не под насилием извне, а в результате собственного решения; не через какие-то изъяны Своего естества, а в силу парадокса совершенствующегося совершенства. Совершенство библейского Бога представлено как динамическое, а не статическое состояние, которое меняется не количественно и даже не качественно, не к лучшему (и уж тем более не к худшему), а меняется в славе и восхищении, к которым количественные и качественные характеристики неприемлемы в принципе.

94 Представляется, что попытки сохранить античную идею бесстрастности и неизменности Бога вступают в противоречие с библейским образом Бога, который не побоялся подвергнуться изменению, входя в мир, а также они разрушают идею целостности самой личности Иисуса Христа.

Афанасьевский символ веры предлагает важную аналогию, помогающую понять библейские утверждения о двух природах Христа: «как разумная душа и плоть есть один человек, так же Бог и Человек есть один Христос»^[24]. Трудно представить себе страдающего плотью, но при этом

бесстрастного душой. Страдания плоти непременно вызывают страдания души в силу целостности личности. Христос на Кресте страдал целостно, полно и нераздельно – и телом и душой и духом, и божеством, и человечностью, которые в Нем были неразлучны. Если бы страдала только человеческая ипостась Христа, то Его страдания были бы неполны и неестественны, как не может страдать один член человеческого тела, не доставляя при этом боль всему телу. Поэтому противоречия плоской аристотелевой логики, следует признать, что в воипостазированнойности страдал целокупный Христос – и как Бог и как человек.

Страдает ли Бог сегодня?

◆ Представление, что страдает именно Бог любви, как целостная Личность, а не только как Его отдельная ипостась, открывает близкий образ Бога в современном мире. Оно позволяет заявить, что Бог реально находится с нами в страданиях женщин и детей в Мариуполе и в предсмертном крике расстрелянных в Буче. Семен Франк писал: «Мы не имеем права утверждать, что Бог остается Сам перед лицом мирового страдания в состоянии несмущенного блаженного покоя»^[25]. Образ бестрепетного Бога-Отца, неизменного в своей сущности, спокойно восседающего на небесном Троне и не обращающего внимание на мучения людей, совсем не похож на библейского Яхве. Открытая в Библии сострадательная Божья любовь несовместима с образом бесстрастного всемогущего правителя.

Отец Небесный не просто сочувствует людям, которым Он даровал такой опасный дар свободы. Он не наблюдает за самомучениями и взаимными мучениями людей со стороны, откуда-то сверху, с Небес, но Он вошел в гущу человеческих страданий в лице Своего Единородного Сына и принял соучастие в страданиях. Он не стал объяснять, почему и для чего мы страдаем, а стал страдать с нами в самой худшей и самой тяжелой форме. Эти страдания не завершились 2000 лет назад. Иисус отождествляется со всеми радующими и страдающими, когда говорит: «что люди сделали одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:40). Другими словами, лик Христа реально можно увидеть в лицах страдающих, которым оказывается милосердие. Иисус присутствует на земле по верному своему обещанию: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28:20). Он со всей определенностью заявлял: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20). Также Он не раз говорил: «Не оставлю вас сиротами; приду к вам» (Ин. 14:18; ср. 14:23). Т.е. Он обещал присутствовать со Своими последователями лично и постоянно, и христиане верят, что это обещание Он исполняет, но они редко задают вопрос: как Христос это делает? Присутствует ли Он

^[24] «Афанасиев символ веры», в Православная энциклопедия (М., 2008 г.), 696-97.

^[25] Франк, Непостижимое, 414.

в материальной Вселенной реально или только метафорически? Можно ли говорить о личном присутствии Христа в жизни христианина или встретить Его в лице страдающего – это только образное выражение?

Безусловно, сказать, что Христос присутствует с теми, кто испытывает жестокие и безнадежные страдания, это значит до определенной степени использовать образное, поэтическое выражение, потому что в физической реальности Христос неразличим. Библейские определения, касающиеся Бога чаще всего представляет Его аналогически, но в то же время, некоторые из этих характеристик, как и описание божественных функций и намерений, гораздо более буквальны, чем людям иногда кажется. Это происходит потому, что хотя Бог радикально инаков, но в то же время Он радикально доступен в силу Своего сакраментального откровения.

Свои действия Он часто представляет метафорически или в виде антропоморфизмов, или в виде притч и аналогий, но в этих образах Бог всегда передает то, что Он хочет передать, а иначе зачем Он их использует? Говоря: «Бог мой, скала моя» (Пс. 17:3), Писание показывает надежность Бога, Его непоколебимость, а не то, что Он обладает материальной скальной природой. Но когда Христос говорил, что видевший Меня видел Отца (Ин. 14:9), Он говорил не только о сущностном единстве, о полной согласованности в действиях, в характере, ценностях, намерениях и т.д. между Отцом и Сыном. Такое понимание, безусловно, правильно, но Господь также говорил о некоторой мистической составляющей, о перехористическом единстве с Отцом, которое давало Ему божественную силу и власть. В этом и подобных ему выражениях, парадоксальным образом сочетается метафорический и буквальный смысл.

Когда Иисус отправлял учеников на миссию и говорил, что Он будет с ними, то имел в виду не только то, что Его учение, Его идеи и принципы должны быть с учениками в их проповеди всем народам, но и о силе и власти наступать на всю вражью силу (Мф. 10:1). Ап. Павел пишет, что его проповедь не только в слове, но и в силе (1Кор. 2:4-5). Все это указывает на сложность и неоднозначность богословских формулировок и выражений, которые невозможно использовать только образно или только буквально. Чаще всего они содержат и тот и другой смысл одновременно.

Когда богословы говорят, что в своем распятии Иисус отождествил Себя со страданиями мира, а в своем воскресении Он продемонстрировал власть вечности, это не только поэтический образ, но и буквальная реальность. Точно так следует относиться к утверждениям, что Господь страдает с страдающими во все века человечества. Это не только образ утешения и эсхатологической надежды на всеобщее воскресение в конце времен, но и способ обретения силы здесь и сейчас.

Обычно присутствие Христа сводят к либо к присутствию Духа (поскольку в Троице все лица равны), либо к присутствию Его Всемогущества,

Всезнания и управляющей силы. Такой подход представляется сильно упрощенным. Дух Святой – отдельная личность, хотя Он присутствует и действует на земле представляя Христа, а не Себя самого. В этом смысле всеприсутствие Духа можно отождествлять со всеприсутствием Христа, но присутствие Христа в Духе без тела приводит к сомнению в подлинности человеческой природы Господа после воскресенья. Ведь известно, что Воскресший являлся своим ученикам и утверждал, что Он не дух (Лк. 24:39) и предлагал потрогать Его и ел с ними. Кроме того, говоря о будущем приходе Духа Святого для учеников, Христос указывал на Него, как на некоего Другого по отношению к Себе (Ин. 16:7).

Одной из самых больших трудностей спиритуалистического дискурса является отсутствие персональной встречи верующего со Христом, как с реальной живой личностью. Присутствие Христа в виде мистического действия Духа, в виде дара или в качестве особой силы или знания или даже в виде таинственного духовного руководства, – всё это, безусловно, проявление и действия Христа, но не Он сам как личность.

Бог личностен, а это значит, что Он способен на личные взаимоотношения и вовлечен в них. Он живет в постоянной перехорестической динамике внутри Троицы, и Он пожелал, создав внешний по отношению к Себе мир, находится с ним в определенных взаимоотношениях, чтобы в конце концов вовлечь и свое творение в отношения с Собой. Это значит, что Бог чувствует и переживает. Особенно ясно это видно в Ветхом Завете, где второе лицо Божества представлено неявно. Господь ревнует (Вт. 5:9; Иез. 39:25); Его ранят злодеяния и грех. Он негодует на народы, делающие зло (Лев. 20:23; Вт. 32:19).

В новозаветные времена реальное присутствие Бога в ипостаси Иисуса Христа – это всегда личное присутствие. А личность, в отличие от индивидуальности, характеризуется не только самосознанием, но и личностными отношениями^[26]. Христос устанавливает и готов установить с каждым не только личностные, но и личные взаимоотношения. С Ним можно иметь персональные, интимные отношения, а не только личностные отношения, которыми характеризуют человека как личность вообще. Этим и отличаются личные отношения от личностных. Холодные, деловые отношения тоже характеризуют отношения между личностями и являются личностными, но это не та атмосфера любви, радости и расположения, которая характеризует отношения влюбленных личностей. Понятие личные отношения включает в себя более глубокий горизонт чувств и переживаний, чем производственные отношения между людьми.

Близкие, личные отношения со Христом возможны именно в силу его богочеловеческой природы, которую Он обрел после воипостазирова-

^[26] См. обширную дискуссию о личностных свойствах Бога в Джон Файнберг, Нет подобного Ему (СПб: Библия для всех, 2021), 269-271.

ния. Пройдя путь вочеловечивания и последующей жизни среди людей, испытав страдания и пережив смерть, что сделало Его совершенным человеком и посредником, который может понимать людей и в то же время представлять Божество, Христос обрел способность войти с людьми в чистые интимные отношения. Практически, это дало возможность Христу реально присутствовать с Его народом, пребывая с ним в персонализированном общении. Дух Святой тоже личность, но людям во плоти трудно войти с Ним в личные взаимоотношения из-за разности природ, хотя дети Божьи ощущают и переживают божественное присутствие Духа Святого, Его силу и власть. И все же Он остается в тайне, указывая на Христа и обеспечивая личное присутствие именно Иисуса среди людей;

Распознать личное присутствие Христа в современных страданиях, к сожалению, способны далеко не все. Любая встреча может стать энкаунтером – яркой встречей-переживанием, столкновением с Иным, меняющим участника встречи, а может остаться незамеченной и мимо-летней встречей, в которой участники прошли мимо и даже не узнали друг друга.

Часто трудности коммуникативного характера мешают состояться настоящей встрече-энкаунтеру. Это связано с тем, что познающий субъект должен не только получить ясную информацию от другого, но и уметь ее расшифровать и совместить с имеющейся у него информацией и таким образом узнать с кем он имеет дело. К сожалению, в случае встречи со Христом в страданиях, это не всегда случается. Господь, который являет Себя по верному обещанию, может быть проигнорирован участвующим потому, что тот мало или совсем не знаком с Ним лично. Страдающий не имеет опыта общения со Христом и просто не распознает Его образ в словах, знаках или в невыразимых, духовных контактах. Христос здесь, рядом со страдающим, но тот не может создать поле интересубъективного общения своей верой. Для него Христос отсутствует. Он наблюдает только предметную реальность окружающих ужасов. Чтобы пережить реальное присутствие Христа в трудностях и скорбях, надо прежде всего иметь опыт распознавания этого присутствия.

Таким образом, личная встреча-энкаунтер носит контингентный, а не обязательный характер. Она сакраментальна. Христос обязательно присутствует в человеческих страданиях, но не все страдающие непременно распознают Его и встречаются с Ним, получая утешения от Господа.

С богословской перспективы, присутствуя в страданиях как личность, а не онтологически (субъектно-предметно), Христос пребывает в напряженном парадоксе «присутствия-отсутствия». С одной стороны Он здесь (Мф. 18:20; 28:20) – в каждой точке пространства, где происходят страдания, а с другой стороны, Он «одесную Отца», на Небесах (Евр. 10:12; 12:2). Он и присутствует, и отсутствует повсюду одновременно. Это кажется непостижимо для линейного сознания, но отчасти эту

антиномию можно понять, используя понятие перехорестического проникания. Т.е. новое, духовное Тело Христа, обладающее совершенно неведомыми свойствами, способно проникать одновременно повсюду и тем самым как-бы находится в всех точках Вселенной. Это уникальное свойство Христа не сводится только к тому, что Он может пройти через закрытую дверь и явиться ученикам (Ин. 20. 19 и 26).

В широком смысле слова проникать, как отмечает Хад Хадсон, «это значит быть целиком и полностью расположенным в каком-то неточечном месте (в случае всеприсутствия – во всеобъемлющем месте) и полностью располагаться в каждой из собственных частей этого места (в случае всеприсутствия – во всяком месте)»^[27]. Другими словами, проникать – это значит реально, а не символически быть в каждом из возможных мест. Примером присутствия через проникание может служить «пространство-время», которое не есть «место», потому что место по определению, это темпоральная локация, но пространственно-временное присутствие является нелокализованной, но объективной реальностью.

Поэтому можно смело сказать, что Христос здесь и сейчас реально, но не предметно присутствует в страданиях тех, кто распознает, или готов распознать Его рядом с собой.

Заключение

♦ Страдания, как то, что доставляет неприятность и от чего хочется побыстрее избавиться, совершенно неестественны для человеческого естества. Это дисгармония, нарушение целостности, несовершенство, но не ошибка в Божьем плане домостроительства Царства Небесного, а инструмент созидания. Это не просто отсутствие гармонии, умаление идеала и уменьшение добра, но это самая настоящая, хотя и тягостная реальность. Это реальность, которая существует, но стремится к исчезновению, которая имеет другой, парадоксальный модус существования по сравнению с положительной реальностью любви и добра.

Страдания являются следствием греха, но часто ставят человека перед выбором – возвратиться ли страдальцу к Богу или окончательно уйти от Него. Нередко они очищают чад Божьих или служат своеобразным катарсисом – острым негативным переживанием, приводящим к более высокому уровню позитивного познания. Бывает, что они нужны для испытания и закалки, но в любом случае Господь использует страдания для славы Своей и для совершенства.

Сам Господь Иисус принял на себя страдания для искупления всего рода человеческого от греха, что невозможно было сделать другим способом, потому что грех есть нарушение целостности божественного мироздания,

^[27] Хад Хадсон, «Всеприсутствие», в Оксфордское руководство по философской теологии (М.: Языки славянской культуры, 2013), 322.

и восстановление утраченного холизма происходит через страдания и собственно страданием и является. В эти страдания вовлекается целокупный Христос, т.е. и Его Тело-Церковь, как написано: «вам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него» (Фил. 1:29-30). Но страдания Христа были необходимы не только людям, чтобы обрести спасение, но и самому Богу: «Ибо надлежало, чтобы Тот, для Которого все и от Которого все, приводящего многих сынов в славу, вождя спасения их совершил через страдания» (Евр. 2:10). Через страдания и только благодаря им Иисус стал полностью и до конца истинным богочеловеком. Таким способом Он получил не умозрительное и провиденциальное, а опытное знание человеческих страстей и мучений.

Эти страдания нельзя отнести исключительно к человеческой ипостаси Христа, считая, что божественная не испытывала боли и мучений. Страдание Христа только по человечности, не только расчленяет божественную и человеческую природу Иисуса, но и представляет небиблейский образ бесстрастного Бога, пришедший из греческой философии. Многие богословы активно отстаивают идею бесстрастного Бога, Который в силу своего совершенства не может страдать или переживать любые чувства. Такой бестрепетный и бесчувственный Бог, спокойно восседающий на небесном Троне и не взирающий на мучения людей, совсем не похож на образ библейского Бога, который представлен как личность, способная ревновать, гневаться, негодовать, любить, а все эти чувства открывают Бога для страданий.

Бог спускается на один уровень существования с человеком, поэтому Он страдает со всеми страдальцами от всех войн человечества. Удерживая теологему бесстрастности Бога, мы вынуждены будем не только считать Его страдания неполными, относя их исключительно к человеческой ипостаси Иисуса, но и истолковывать Его присутствие в наличных страданиях нашего времени только как образ утешения и надежды, но не личного присутствия здесь и сейчас.

Пройдя путь полного вочеловечивания, Христос получил возможность присутствовать в страдающем мире не только посредством Духа Святого. Он может непосредственно устанавливать теплые, личные отношения с теми, кто готов встретить Его и сегодня, среди руин Третьей мировой войны. Благодаря перехористическому прониканию, обладая новым духовным телом, Господь может присутствовать в каждой точке пространства, где происходят страдания, и в то же время быть «одесную Отца», на Небесах. Эта антиномия «присутствия и отсутствия» позволяет нам распознать Его в современных страданиях и переживать Его поддержку не только метафорически и образно, но и реально в виде силы Божьей и Его чудесного водительства.

Библиография

- Gavrilyuk, Paul L. 2004. *The Suffering of the Impassible God: The Dialectics of Patristic Thought*. Oxford University Press.
- Moltmann, Jürgen. 1993. *The Crucified God: The Cross of Christ as the Foundation and Criticism of Christian Theology*. Translated by R.A. Wilson. *The Works of Jürgen Moltmann*. Fortress Press.
- O’Keefe, John J. 1997. ‘Impassible Suffering? Divine Passion and Fifth-Century Christology’. *Theological Studies* 58 (1): 39–60. <https://doi.org/10.1177/004056399705800103>.
- Sarot, Marcel. 1990. ‘Patropassianism, Theopaschitism and the Suffering of God. Some Historical and Systematic Considerations’. *Religious Studies* 26 (3): 363–75.
- Антонян, Юрий Миранович. 2010. «Страдание и его роль в культуре». *Высшее образование сегодня*, вып. 4: 20–27.
- Антюхина, Алла Валентиновна. 2013. «Боль и страдание: философское осмысление». *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, вып. 4–1: 25–28.
- «Афанасиев символ веры». 2008. в *Православная энциклопедия*, 3: 696–97.
- М. Льюис, Клайв Стейплз. 1991. *Страдание*. Переведено Трауберг Н. М.: Гнозис; Прогресс.
- Мюллер-Лиер, Франц Карл. 1925. *Социология страданий*. Ленинград: Земля и фабрика.
- Немыченков, Владимир Иванович. 2016. «Страдания Бога Сына в период Его земного служения: догматические аспекты». *Церковь и время*, вып. 3: 117–68.
- Орлов, Михаил Олегович, Ксения Александровна Мочинская, и Юлия Алексеевна Торяник. 2020. «Смысл страдания в православном богословии и русской религиозной философии». *Манускрипт* 13 (8): 99–102.
- Сенкевич, Алла Владиславовна. 2009. «Проблема страдания в истории философии: основные парадигмы». *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, вып. 3: 12–15.
- Стрельцов, Алексей Михайлович. 2018. «Концепция бесстрастия Бога в древнегреческой философии: был ли консенсус?» *Сибирский философский журнал* 16 (4): 257–66.
- Тертуллиан, Квинт Септимий Флорент. 1910. *Творения. Апологетические сочинения*. Переведено Н. Щеглов. Т. 1. Киев: Петр Барский в Киеве.
- . 1994. *Избранные сочинения*. Под редакцией А. Столяров. М.: Прогресс.
- Файнберг, Джон. 2021. *Нет подобного Ему*. СПб: Библия для всех.
- Франк, Семен. 2017. *Непостижимое*. М.-Берлин: Директ-медиа.
- Франкл, Виктор. 1990. *Человек в поисках смысла*. М.: Прогресс.
- Франкл, Виктор. 2016. *Логотерапия и экзистенциальный анализ*. М.: Альпина Паблишер.
- Хадсон, Хад. 2013. «Всеприсутствие». В *Оксфордское руководство по философской теологии*, 307–31. М.: Языки славянской культуры.
- Шопенгауэр, Артур. 1910. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. М.: ДП Ефимова.
- Яковлева, Р. 2014. «Социология страданий как отрасль социологии».